

М. Р. ФЕДОТОВ (Чебоксары)

БУЛГАРСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ ФИННО-УГОРСКИМ ЯЗЫКАМ

(Заметки в области согласных звуков)

Материалом для данной статьи служат главным образом надписи на реально существующих эпитафиях.

Г. В. Юсупов во «Введении в болгаро-татарскую эпиграфику» (ЮсБТЭ), наиболее полной и новейшей публикации болгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв., поставил цель доказать ненаучность «теории болгарского происхождения чуваш» и их языка и «показать преемственную связь памятников эпохи Казанского ханства с болгарскими памятниками как в языковом, так и типологическом отношении». Автор решил исправить «ошибку» нескольких поколений ученых, которые «без учета исторических корней» болгарского и чувашского языков «ставили знак равенства между чувашами и булгарами».

Чтобы ответить, есть ли основание заявлять, «что ошибка исследователей теории болгарского происхождения чуваш заключалась в том, что они только на почве механического сопоставления болгарского и чувашского языков отождествляли их и строили «китайскую стену» между татарским и болгарским языками», так ли уж «глубоко ошибочен применяемый до сего времени в отношении болгарского языка на надгробных термин «чувашизмы», противоречат ли последние также и исторической стороне этнонима 'чуваш' (ЮсБТЭ, 98), мы остановимся на характерных особенностях чувашского, татарского и болгарского языков и покажем, как они отразились на финно-угорских языках.

1. Наличие в болгарском и чувашском языках протезы *v* на месте тюркских *y*, *ÿ*, *o*, *ö*, например: булг. چ و = чув. *виç*¹ (краткая форма), ср. татар., башк. *өч* 'три'; булг. ون و = чув. *вун* ~ *вон*, ср. татар., башк. *ун*

¹ В чувашском литературном языке буквой *ç* обозначают как мягкий, так и твердый вариант аффрикаты: ср. диал. *инче* ~ лит. *инсе* 'далеко', диал. *минче* ~ лит. *миçe* 'сколько', диал. *хәнчан* ~ лит. *хәсан* 'когда' и др. Она соответствует тюркским *й*, *дь*, *жь*, *ч*. Для передачи чув. *ç* в арабском алфавите нет такой буквы, поэтому в памятниках XIII—XIV вв. булг.-чув. *ç* передается арабской буквой چ (*дж*, *джь*).

Чувашский звук, передаваемый русской буквой *ч*, представляет собою также аффрикату, либо смягченную свистящую глухую $\text{ç}'$ (= $\text{r}' + \text{c}'$), например, *чаваш* 'чуваш', либо смягченную свистящую звонкую $\text{ç}'$ (= $\text{d}' + \text{z}'$) в приведенных словах *инче*, *минче*, *хәнчан* и т. д.

'десять'; булг. وطر = чув. *вйтӑр*, ср. татар., башк. *утыз* 'тридцать'; числительное «десять» встречается в сложных числительных: булг. وان واطر = чув. *сакӑр вун ~ сакӑр вон*, ср. татар., башк. *сиксӑн* 'восемьдесят'; булг. وان واطر ووان , $\text{وان واطر ووان ووان}$ = чув. *тӑхӑр вун ~ тӑхӑр вон*, ср. татар., башк. *туксан* 'девяносто'. Далее не воспроизводим написание болгарских порядковых числительных, начинающихся с протезы *в* (و), например: «третий», «десятый», «двенадцатый», «четырнадцатый», «пятнадцатый», «шестнадцатый», «девятнадцатый», «тридцать третий», «тридцать седьмой», «девяностый» (см. таблицу болгарских числительных, ЮсБТЭ, 71—73).

Не вызывает сомнений, что тюркизмы с протезой *в* в марийском, удмуртском и коми языках чувашского происхождения, например: чув. *вакӑ* 'прорубь' > мар. *ваке*, марГ. *вӑкы*; ср. чаг. *ӧгӱ*, каракалп. *уки*, татар. *бәке*, башк. *мәке* то же; чув. *вара* 'стожар' > мар. *вара*, марГ. *бӑра* 'шест'; ср. татар. *узак*, саг., койб. *ӧзӑк* то же; чув. *виме* (а также *миме*) 'мозг' > мар. *вем* (а также *мем*), удм. *вим*, коми *вем*; ср. уйг. *мин*, узб. *мия*, алт. *ме*, *мее*, татар. *ми*, башк. *мейе*, тур. *beyin*, туркм. *бейни* то же; чув. *виме* (а также *мӱне*, *ниме*, *миме*) 'помочь (коллективная работа)' > мар. *вӱма* (а также *мӱма*), марГ. *вима*, удм. *веме*; ср. татар., башк. *эмә*, древнетюрк., туркм., казах. *ӱме* то же и др.

Протезу *в* мы видим также в древнечувашских заимствованиях в венгерском языке, хотя здесь она не всегда выдержана, например: чув. *валак* 'желоб, водосточная труба' > венг. *vályú* (< древнечув. **валюх ~ *валюк*); чув. *вакӑ* 'прорубь' > венг. (вост. диал.) *vék*; чув. *вӑрен* 'веревка' > венг. (*kötél*) *verő*, но *вӑкӑр* 'бык, вол' > венг. *ökör*; ср. тур. *öküz*; чув. *вӑрӑ* 'вор' > венг. *or*, *orv*, *wrv*, *wru*, *wrw* (GombMSFOu XXX, 109) и др.

Наличие в современном венгерском языке древнечувашских слов с протетическим *в* (GombMSFOu XXX; М. К. Palló, Acta Orient. Hung. XII 1961, 42), а также в «Хронологии дунайских болгар» в форме *вѣчьемь ~ вечемь* 'третий' (ср. волго-булг. مچو = чув. *виçӑм* (*viçam*) Pritsak, Fürstenliste, 45, 59) лишний раз говорит не только о самобытности древнечувашского языка, но и влиянии его на языки соседей еще до X века.

Этот тезис может быть подтвержден другими примерами из области исторической лексики болгарского языка гуннской эпохи. Мы имеем в виду современные чувашские слова: *вар* 'овраг, лог, дол, сухое русло ручья; живот, желудок, внутренности (человека)'; *варак* (*вар + ак*) 'промоина, овражек, продольное углубление'; **Варан* (*вар + ан* — аффикс тюркского причастия) < *Баран* (правый приток р. Майны, на берегах которого сохранились следы старинных городков. Весьма вероятно, что нынешнее название реки *Баран* — древнеболгарское слово, АшмБЧ, 54). Основа *вар* соответствует гуннскому *Var* 'Днепр' (по другим спискам — его притока). На других тюркских наречиях Днепр носит название *Ӗзӱ*, *Ӱзӱ* (АшмБЧ, 51—52).

2. Наличие в болгарском и чувашском языках аффикса порядковых числительных *ӑм* (*ӓм*). Правда, этот древнечувашский аффикс,

теперь совершенно непродуктивный, сохранился в ограниченном числе примеров, но это его значения не умаляет: *виѣм кун* 'третьего дня', *виѣм џул* 'в третьем годе', *тáватáм кун* 'четвертого дня', а в числительных — *виџмине* (*виџм + ине* — аффикс дат.-вин. падежа) 'после завтра', *тáватмине* 'через три дня (т. е. на четвертый день)', *пилѣкмине* 'на пятый день вперед', *ултмине* 'на шестой день от сего дня' и т. д.

Чувашский аффикс *áм* (*эм*) находит свое звуковое и семантическое соответствие в памятниках как волжских, так и дунайских болгар: волго-булг. *وچم (م + وچ)* = дунайск.-булг. *вѣчмь ~ вечемь* (*веч + емь*) = чув. *виѣм*, ср. татар., башк. *өченче* (*өч* 'три' + *енче*) 'третий'; волго-булг. *ذواتم , ذواتم* = дунайск.-булг. *тоутом* = чув. *тватáм*; ср. татар., башк. *дүртенче* 'четвертый'; волго-булг. *چباتم* = дунайск.-булг. *читемь* = чув. *џичѣмѣш + ѣш*; ср. татар., башк. *жиденче* 'седьмой'; волго-булг. *ششم* = дунайск.-булг. *шехметь* = чув. *сакáрм + ѣш*; ср. татар., башк. *сигезенче* 'восьмой'; волго-булг. *طحرم* = дунайск.-булг. *твирим, твирем* = чув. *тáхáрм + ѣш*; ср. татар., башк. *тугызынчы* 'девятый'; волго-булг. *وازم* (Pritsak, Fürstenliste, § 5, стр. 45) = чув. *вунáм + ѣш ~ вонм + ѣш*; ср. татар., башк. *унынчы* 'десятый'. Написание последнего болгарского слова с кясрой перед *м* лишний раз свидетельствует, что чув. *вунáм ~ вонáм + ѣш* и булг. *وازم* читаются одинаково.

В современном чувашском языке порядковые числительные образуются с помощью аффикса *мáш* (*мѣш*), присоединяемого как к краткой, так и полной форме первых: *пѣр + мѣш, пѣрре + мѣш* 'первый', *вун + мѣш, вуннá + мѣш* 'десятый' и т. д. Аффикс *мáш* (*мѣш*) представляет собой не что иное, как чув. *áм* (*эм*) = булг. *م* плюс аффикс *áш* (*ѣш*) = булг. *ش*. На данном этапе развития чувашского языка формы порядковых числительных *мáш* (*мѣш*) и *мáшѣ* (*мѣшѣ*) уже не различаются.

Г. В. Юсупов в своей монографии отмечает два аффикса порядковых числительных *ни* (*نش*) и *ш* (*ش*); они имеют самое близкое отношение к чувашским аффиксам: булг. *اكش , آکش , اكنش* (ЮсБТЭ) = чув. *ик(кѣ) + мѣш*; ср. татар., башк. *икенче* 'второй'; булг. *چهار منش* = чув. *џирѣм + мѣш*; ср. татар., башк. *егерменче* 'двадцатый' и др. (ЮсБТЭ, 71—73).

Булгарский аффикс *нч* находит себе соответствие в вирьялских диалектах чувашского языка. Еще Н. И. Ашмарин, отметив это явление, писал: «Так как вместо аффикса *м* в порядковых числительных у чуваш встречаются также и *н* (напр. *тáватáм кун* — *тáвадáм гун* — и *туадын*

гон 'четвертого дня'), то вместо обычных форм ... *иккёмёш*, *вищёмёш*, *тáваттáмёш* ... мы могли бы ожидать у чуваш так же и форм: **иккё-нёш*, **вищёнёш*, **тáваттáнёш*» (АшмБЧ, 91).

Булгарскому аффиксу *ш* в том значении, в котором он употреблен в болгарских памятниках (*اكش* 'второй', *الطش* 'шестой', *جباتش* 'седьмой', ЮсБТЭ, 71), в чувашском соответствует отдельно существующий аффикс (*ё*)*ш* или же он выступает в составе *мáш* (*мёш*), который состоит, как уже отметили, из двух аффиксов: *áм* (*ём*) + *áш* (*ёш*).

Говоря об идентичности современного чувашского аффикса порядковых числительных *мёш* (*м* + *ш*) и болгарского *ش + م*, следует остановиться на образовании порядковых числительных в некоторых финно-угорских языках, в частности марийском и удмуртском.

В марийском языке порядковые числительные образуются с помощью суффикса *ымше* (-о, -ö), который присоединяется к краткой форме количественных числительных: *ик* 'один' — *икымше* 'первый', *кэж* 'два' — *кокымшо* 'второй', *ныл* 'четыре' — *нылымше* 'четвертый', *вич* 'пять' — *визымше* 'пятый'; *куд* 'шесть' — *кудымшо* 'шестой', *кандаш* 'восемь' — *кандашымше* 'восьмой', *индеш* 'девять' — *индешымше* 'девятый', *лу* 'десять' — *лумшо* 'десятый' (ГалиГМЯ, 106).

В других финно-угорских языках указанному марийскому суффиксу соответствий нет, но суффикс *мос* в удмуртском, образующий дробные числительные от количественных, как отмечает И. С. Галкин, по всей вероятности, одного происхождения с марийскими порядковыми числительными.²

Надо заметить, что марийские и удмуртские дробные числительные образуются по одной и той же схеме с чувашскими: числителем является количественное, а знаменателем — порядковое числительное, например: удм. *куинь витьмос*, мар. *кум визымше*, ср. чув. *виçĕ пиллĕкмĕш* 'три пятых'; удм. *сизьым тямьмос*, мар. *шым кандашымше*, ср. чув. *шĕчĕ саккармĕш* 'семь восьмых' и т. д. При этом нужно особо подчеркнуть, что в чувашском и марийском языках число, выражающее количество взятых долей (числитель), стоит в краткой форме, так оно обозначает определенное, конкретное количество (чув. *шĕчĕ кун*, ср. мар. *шым кече* 'семь дней', но *шĕчĕ*, ср. мар. *шымыт* 'семь' отвлеченное (абстрактное) число без указания количества предмета).

Исходя из неверного предположения, что в других тюркских языках нет соответствий чувашскому аффиксу *мёш*, который на самом же деле генетически соотносим с тюркским *нч* и якутским *с*, И. С. Галкин считает, что в чувашском языке аффикс порядковых числительных возник под влиянием марийского языка. Но его точка зрения об образовании марийского аффикса порядковых числительных путем слияния двух самостоятельных суффиксов **м* + *се* > *мше* совпадает с рассмотренными нами болгарскими аффиксами порядковых числительных.

Кроме того, влиянием болгарского аффикса *ш* можно объяснить, пожалуй, ту особенность горномарийских порядковых числительных, когда они образуются без аффикса *м*, подобно болгарским *икёш* 'второй', *олтáш* 'шестой', *шĕчĕш* 'седьмой' и др. (см. выше): марГ. *ик* + *шы* 'пер-

² И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола 1964, стр. 107.

вий', *кок + шы* 'второй', *кым + шы* 'третий', *шым + шы* 'седьмой', *лу + шы* 'десятый'.

Таким образом, мы считаем, что марийские регулярные суффиксы порядковых числительных *ымшо* (-о, -ö), *шы*, а также удмуртский *мос* нужно рассматривать как языковые приобретения булгаро-чувашского происхождения, относящиеся к самому раннему периоду интенсивного культурно-экономического влияния булгар на своих соседей — предков мари и удмуртов.

3. До сих пор, транскрибируя булгарское числительное «пять», исследователи считали, что ему соответствуют тюркские формы *биш*, *бәш* то же. Здесь усматривали чередование конечного булг. *л* и тюрк. *ш*, что, казалось, не вызывало никакого возражения.

В связи с этим считаем нужным обратить внимание на точку зрения О. Притсака, считающего, что встречающуюся в булгарских памятниках форму числительного *جیرم بیش کوان* ('25-го дня') нельзя считать идентичной с тюркским *биш*, *бәш* 'пять', так как *ш* — такой же суффикс порядковых числительных, какой мы встречаем в *اکش* 'второй', *الطش* 'шестой', *جیادش* 'седьмой'. В форме *бәш* автор усматривает выпавший *л* в позиции перед *ш* (< *нш* < *нч*), подобно *бех-* (из **бэхти*), где перед *х* (< *к*) был звук *л*: **белх* (< *бел'ик*), ср. булг. *دلخ*, *белх* ~

белик ~ чув. *пил(л)ёк* 'пять' (Pritsak, Fürstenliste, § 22, стр. 59—60).

Такое предположение подтверждается фактами sporadического выпадения *л* в чувашских словах, например: чув. *илт* 'слушать' (~ общетюрк. *ишет*), но чув. *итле* (*ит + ле*) 'слушать, прислушаться'; чув. *кин* 'сноха', ср. тюрк. *келин*, *гелин* (от *кел-*, *гел-*), чув. *кил* 'приходить' (досл.: приходящая в дом мужа); чув. *хёс* 'бердо; сабля', ср. тюрк. *кылыч* 'меч'; чув. *çёсё* 'нож' < **йүлчү*, ср. тур. *jülyü* 'брить, удалять волосы' (Радл. III, 609); тур. *jülyjän* 'бритва', *jülyjü* 'цирюльник' (Радл. III, 610); чув. *утмäl* ~ *отмäl* < **алтмыл*, ср. тюрк. *алтмыш* '60'; чув. *исе* (деепричастие от глагола *ил* 'брать, взять'), но *илсе* 'взяв'; чув. *хәнә*, ср. татар. *колын* 'жеребенок'; сунд. *сохам* (литер. *сулхән*) 'тень', ср. татар. *салкын* 'холодный'; сунд. *отала* (литер. *ултала*), ср. татар. *алдалау* 'обманывать'; сунд. *потран* (литер. *пултáран*), ср. татар. *балтырган* 'борщевик' и др.

Эта особенность чувашского языка³, т. е. выпадение или сохранение *л*, отразилась и на чувашских заимствованиях в финно-угорских языках, например: чув. *хёс* 'сабля; бердо' > мар. *ис*; удм., коми *кись*, ср. древнетюрк. *кылыч* 'меч' (Мал., 416); алт., тел., каз., уйг., тур., азерб., ВТ., крым. *кылыч* 'меч, сабля' (Радл. II, 776), чув. *кин* > удм. *кен* 'сноха', ср. тюрк. *келин*, *гелин* то же; чув. *çимёс* (~ тюрк. *жимеш*,

³ Неустойчивое положение *л*, *р*, *н* наблюдается в ряде других тюркских языков. См. Н. К. Дмитриев, Неустойчивое положение сонорных *р*, *л*, *н* в тюркских языках. — ИСГТЯ I, стр. 279—280; Э. В. Севортьян, Выпадение согласных в южных тюркских языках. — ИСГТЯ I, стр. 289—292; Б. Юнусалиев, Заметки о выпадении некоторых согласных в основах слов тюркских языков. — ВДТЯ IV, стр. 23—34.

jäмиш) > венг. *gyümölcs* 'плод, фрукт'; чув. *хут* ~ *хот* > мар. *олташ* 'топить, затапливать', ср. алт., тел., кирг., чаг. *кала* 'гореть, воспламениться' (Радл. II, 225); чув. *ытала* > марГ. *элталаш* 'обнять', ср. монг. *alda* 'сажень', первоначально 'ловля' (RäsMSFOu XLVIII, 163) и др.

4. Как в болгарских памятниках, так и в современном чувашском языке вместо общетюркского заднеязычного взрывного звука *к* систематически встречается спирант *х*: булг. $\text{чр}^{\text{х}}$, $\text{чр}^{\text{в}}$ (ЮсБТЭ, 72) = чув. *хёрёх*, ср. татар., башк. *кырык* 'сорок', чему соответствует написание قرف на кыпчакско-татарских памятниках (ЮсБТЭ, табл. 63, 64 и др.); булг. $\text{р}^{\text{в}}$ $\text{р}^{\text{х}}$ $\text{р}^{\text{в}}$, $\text{р}^{\text{х}}$ $\text{р}^{\text{в}}$ (ЮсБТЭ, 71) = чув. *тăххăр* ~ *туххăр*, ср. татар., башк. *тугыз* 'де-

вятъ'; булг. $\text{р}^{\text{в}}$ $\text{р}^{\text{х}}$ $\text{р}^{\text{в}}$ $\text{чр}^{\text{в}}$ (ЮсБТЭ, 72) = чув. *хёрёх тăххăр*, ср. татар., башк. *кырык тугыз* 'сорок девять'; булг. $\text{р}^{\text{в}}$ $\text{р}^{\text{х}}$ $\text{р}^{\text{в}}$ (ЮсБТЭ, табл. 5, 7, 13, 14, 18 и др.) = чув. *хёр*, ср. татар., башк. *кыз* 'девушка; дочь'; булг.

$\text{р}^{\text{в}}$ $\text{р}^{\text{х}}$ $\text{р}^{\text{в}}$ $\text{р}^{\text{х}}$ $\text{р}^{\text{в}}$ (ЮсБТЭ, табл. 5, 7, 13) = чув. *хăрхăм* (< *хёр* 'девушка' + *хăм*) 'рабыня' (АшмСл. XVI, 365), ср. татар. *кыркын* в выражении *кыз-кыркын* с собирательным значением слова *кыз* 'девушка', *кыркын* отдельно 'пленница'.

В чув. *хăрхăм* легко узнаются два слова: *хёр* 'девушка; дочь' и *хăм* < ком., тоб., кирг., древнетюрк., чаг. *күң* 'рабыня, служанка' (Радл. II, 1428).

Особенность чувашского языка передавать тюркский взрывной звук *к* спирантом *х*, очевидно, — явление древнее. Помимо памятников XIII—XIV вв. древнечув. *х* мы видим в ряде венгерских слов: чув. *хăнтăла* 'клоп' > венг. *hangyál* 'муравей', ср. татар., башк. *кандала* 'клоп'; чув. *хумă* ~ *хом* 'волна' > венг. *homok* 'песок', ср. тюрк. *кум* 'песок; волнение, прибой на море' (Радл. II, 1043), *хуран* ~ *хоран* 'котел' > венг. *harang* 'колокол' и др. Правда, другая часть древнетюркских слов в венгерском имеет начальное *к*, но тем не менее и первая и вторая группы слов обладают древнечувашскими чертами, например: чув. *хăмла* > венг. *komló*, ср. татар. *колмак* 'хмель'; чув. *хён* > венг. *hín*, ср. тюрк. *кыҗын* 'мука' (Радл. II, 718) и др. Эти две особенности начальных согласных *h* и *k* можно объяснить тем, что, во-первых, венгерский язык черпал тюркизмы не только из одного диалекта тюркского языка чувашского строя, во-вторых, в чувашском языке по сей день наблюдается чередование *к* ~ *х*: *хăсан* ~ *кăсан* 'когда'; *ерек* ~ *ерех* (араб.) 'водка'; *ăшăк* ~ *ăшăх* 'мель; мелко, неглубоко'; *уксак* ~ *ухсах* 'хромой'; *такăшĕ* ~ *тахăшĕ* 'неизвестно который'; *никăшĕ* ~ *нихăшĕ* 'никоторый'; *шукăш* ~ *шухăш* 'мысль, дума' и др.

Если древнечувашский спирант *х* для венгерского языка не был «трудным» звуком (надо думать, что в венгерском еще до момента его контактов с тюрками существовал звук *h*), то для марийского, удмуртского, коми, мордовского языков он оказался «трудным» для произношения. Поэтому здесь чув. *х* заменяется закономерно звуком *к* или, как это иногда в марийском, совсем не произносится, например: чув. *хăна* > мар. *уна*, удм. *куно*, ср. тюрк. *кунак*, *конак* 'гость'; чув. *хёс* 'сабля; бердо' > мар. *ис* 'бердо', удм., коми *кись* 'бердо', ср. тюрк.

кылыч 'сабля'; чув. хӓмла > мар. умла, мокш. комля, эрз. комоля, венг. *komló*, ср. татар. *комлак* 'хмель' и др.

Но надо сказать, что горномарийский диалект из этого правила делает исключение. Он поддался постепенному влиянию чувашского языка и в процессе длительного заимствования усвоил чувашский спирант *x*: чув. хӓна > марГ. хына, ср. тюрк. *кунак*, *конак* 'гость', чув. хула ~ хола > марГ. хала 'город', ср. тюрк. *кала* 'крепость, город'; чув. хир > марГ. хир, ср. тюрк. *кыр* 'поле, дикий'; чув. хӓях > марГ. хыях 'осока', ср. тюрк. *kijak* 'длинная, очень острая трава' (Радл. II, 857) и др.

5. В чувашском языке последовательно и регулярно наблюдается глухое начало согласных там, где им в других тюркских языках соответствуют звонкие варианты.

В этом отношении чувашский язык можно сравнить с языками и диалектами Алтая, древнетюркским и уйгурским языками, которым также свойственно подобное фонетическое явление, например: чув. *пуç* ~ *поç*; койб., саг. *пас* (Радл. IV, 1185); уйг., алт., тел., шор., качин., чулым. *паш*, но якут. *бас* (Радл. IV, 1198), древнетюрк., тур., азерб., крым., туркм., хив., узб., чаг., ВТ., тар., ком., каз., ккирг., тоб., кур. *баш* 'голова' (Радл. IV, 1546); чув. *те*, *ти*; уйг., древнетюрк., алт., тел., лебед., шор., саг., койб., качин., чулым., ком., чаг. *тӓ* (Радл. III, 1008), бараб. *ти* (Радл. III, 1345), но тур., крым., чаг., тар., карЛТ., ккирг. *дӓ* (Радл. III, 1654), кирг. *де*, каз. *дӓ* 'говорить, сказать; называть' (Радл. III, 1751); чув. *пыр*; уйг., алт., тел., лебед., шор., саг., койб., качин., чулым. *пар* (Радл. IV, 1145), но якут. *бар*, древнетюрк., чаг., ВТ., туркм., хив., узб., тар., кирг., ккирг., карТЛ., ком., каз. *бар* 'идти, уйти, ехать' (Радл. IV, 1474) и др.

Судя по графике памятников булгарского языка II стиля мы видим аналогичное чувашскому языку явление глухого начала согласных: булг.

توات = чув. *тӓват*, сунд. *туат*, ср. татар., башк. *дүрт* 'четыре'; булг.

ط٩ , ط٩ = чув. *тӓхӓр*, ср. татар. *туғыз* 'девять' и др.

Трудно сказать определенно, действовал ли в какое-то время в древнечувашском языке фонетический закон перехода глухих согласных в звонкие. Если об этом судить, например, по глаголу *пыр*, древнетюрк. *бар* 'идти, уйти', имени существительному *пуç* ~ *поç*, древнетюрк. *баш* 'голова' (см. выше), то можно сказать, что процесс озвончения *n* > *b* начался до эпохи рунических памятников. Но если обратить внимание на чувашский глагол *те* ~ *ти*, то он в одном и том же памятнике, например, в честь Кюль-Тегина, умершего в 732 г., представлен глухим древнетюркским *t*: *ti-* 'говорить' (Мал. 429).

В то же время невероятен факт, что чувашский язык, пройдя эпоху перехода *n* > *b*, снова вернулся к исходной форме, т. е. *b* > *n*. Однако если мы обратим внимание на древнечувашские заимствования в венгерском языке, то здесь в некоторых случаях мы имеем звонкие смычные согласные, например: чув. *пӓру* > венг. *borjú*, мар. *презе* (< чув. *пӓрушӓ*, *прушӓ* 'теленок'), тюркские формы: *бузагу*, *бызагу*, *бозагу*, *бузагы*, *бузау*, *пыза*, *пуза*, *бозау* то же; чув. *пӓрса* > венг. *borsó*, мар. *пурса*, марГ. *пырса* 'горох', тюркские формы: *борчак*, *пырчак*, *пурцак-пурчак* то же; чув. *кӓмна* > венг. *gomba*, удм. *губи*, коми *гоб* 'гриб'; татар., башк. *гӓмбӓ* то же; чув. *кӓрен* > венг. *görény* 'хорек'; татар. *кӓзән* то же; *палӓк* (= булг. *دلىك*) > венг. *bélyeg*, мар. *пале*, марГ. *пӓлы*

(< чув. *паллă*: *паллă ту* 'сделай заметку, метку, знак, примета, клеймо'); тюркские формы: *бăлгӹ*, *белгӹ*, *билге*, *пӓлгӹ*, *пӓлӓк* то же; чув. *пӓрӓҫ* > венг. *bors*, мар. *пурис*, эрз. *порцка* 'перец', тюркские формы: *барыч*, *пуриц*, *пуриц* то же; чув. *пелче* > венг. *bölcso* 'колыбель', татар., башк. *бишек* то же; чув. *пурӓш*, *пуриш* > венг. *borz* 'барсук'; татар. *бурсык* то же и др.

Что касается марийского языка, то в нем как на основании рассмотренных примеров, так и в большом числе других чувашских заимствований глухие смычные начала всегда соответствуют глухим смычным марийского языка. Сам по себе этот факт не может служить доказательством существования в древнечувашском языке звонких начальных смычных, так как данная категория звуков как в исконных марийских словах, так и ранних русских заимствованиях не встречается. Вот некоторые примеры из последней группы заимствований: чув. *тиек*, марГ. *тиак* < рус. *дыак*, *писарь*, *пищец*; чув. *тикӓт*, марГ. *тигыт*, мар. *тегыт* < рус. *деготь*; чув. *трук*, мар. *трук* < рус. *вдруг*; чув. *тренче*, мар. *тренича* < рус. *бранки*; чув. *кӓрӓҫ*, мар. *курез* < рус. *грузди*; чув. *крепле*, мар. *крапля* < рус. *грабли* и др.

Особый интерес представляют пермские языки. Во многих случаях чувашские глухие начальные *п*, *т*, *к* в удмуртском и коми передаются одними и теми же согласными, но немало и примеров передачи первых звонкими вариантами, например: чув. *кӓмпӓ* > удм. *губи*, коми *гоб* 'гриб', татар., башк. *гембӓ* то же; чув. *пултӓр* > удм. *булдыр* 'брат жены или сестра жены'; татар. *балдыз* то же; *пӓсара* > удм. *бызара* 'хорек'; *пуҫана* ~ *поҫана* > удм. *бусӓно* 'свояк', татар. *баша*, *бажай* то же; *пуҫкиль* ~ *поҫкиль* > удм. *бускель* 'сосед', тюрк. *башка* (~ *баска*) + *гель* 'другой дом'; чув. *пӓчкӓ* = татар. *пычкы* > удм. *бычкы* 'пила'; древнетюрк. *быч* 'резать', отсюда *бычак*, *быцак* 'нож'; чув. *пӓкӓ* > удм. *буко* 'дуга'; тюркские формы: *бӹк*, *бӓк*, *бок* 'гнуть'; *пукра* ~ *покра* > удм. *бокро* 'куколь'; татар. *бакра* то же и др.

Наличие в венгерском и удмуртском языках двоякого рода чувашских заимствований с начальными смычными согласными, преимущественно на *п* и *к*, вполне естественно могло бы навести на мысль о наличии в древнечувашских диалектах вариантов со звонким и глухим началом согласных звуков. Однако это — просто гипотеза, доказать которую на материале чувашского языка нельзя, ибо мы не имеем и не наблюдаем следов чередований *п* — *б*, *к* — *г*, *т* — *д*, *с* — *з* в анлауте.

Исходя из фактов чередования в чувашских диалектах *кк* — *к* (*г*); *тт* — *т* (*д*), *пп* — *п* (*б*), например: верх. *аки* (= *аги*) ~ низ. *акка* 'старшая сестра', верх. *ати* (= *ади*) ~ низ. *атте* 'отец', верх. *шӓнпӓр* ~ низ. *шӓпӓр* 'метла' (см. примеры у АшмМат., 357, 360), а также соответствия чувашских *п*, *к*, *т* пермским *б*, *г*, *д* и *п*, *к*, *т*, Вихман писал, что, по его мнению, такого рода двоякое соответствие в какой-то степени связано с чередованием согласных, которое на более раннем этапе развития чувашского языка носило, возможно, всеобщий характер⁴: **к* ~ **г*, **т* ~ **д* и т. д. Добавим, что высказанная Вихманом мысль относительно чувашских глухих и звонких согласных касается лишь условий комбинаторного (позиционного) чередования в чувашском языке, а не начальной позиции звуков.

Несколько остановимся на глухом палатальном чувашском звуке

⁴ Y. Wichmann, Die tschuwaschischen lehnwörter in den permischen sprachen (= MSFOu XXI), Helsingfors 1903, стр. 1112.

ç (с'), который на болгарских памятниках передан джимом — ç .

В некоторых финно-угорских языках, например, пермских, мордовских и отдельных диалектах марийского, в силу наличия палатального с', чувашские слова с начальным ç стали передаваться без какого-либо искажения. Что касается хронологии заимствований в удмуртском и коми, то не приходится сомневаться в их древности, они относятся еще ко времени создания болгарских эпитафий II стиля.

В свою очередь наличие чувашских заимствований с начальным ç в пермских, марийском и мордовском языках служит верным критерием отделения чувашизмов от остальных тюркизмов. Вот некоторые примеры: коми сёркни, удм. сярты (удм. ч' и коми н' — уменьшительный суффикс, ЛытИВПЯ, 96) < чув. çарăк 'репа'; коми сјор-, удм. сюр-, коми сјорай, удм. сюратай 'отчим' и др. (ЛытИВПЯ, 95) < чув. çур ~ çор, çурă ~ çорă, ср. тюрк. јар: јарты, јăру, јарум, јарым 'половина'; коми чарла (чередование ч' — с' в коми языке обычное явление), удм. сюрло < чув. çурла ~ çорла 'серп'; эрз. сукоро 'лепешка' < чув. çăкăр 'хлеб (печеный)', ср. башк., казах. джүгөрү 'кукуруза', узб. зарара 'мука кукурузная и просяная и печеный из нее хлеб' (Радл. IV, 181); удм. сьолык < чув. çылăх 'грех', ср. тюрк. јазык то же и др. Что касается марийского звука с', то он варьирует по диалектам: мар. сем ~ с'ем < чув. çем, çемĕ 'мотив'; мар. серыш ~ с'ерыш 'письмо' < чув. çыр 'писать'; мар. санга ~ с'анга < чув. çанка 'лоб'; мар. солаш ~ с'олаш < чув. çулас ~ çолас 'косить'; сорта ~ с'орта < чув. çурта ~ çорта 'свеча'; мар. сукыр ~ с'укур < чув. çăкăр 'хлеб' и др. Л. П. Грузов отмечает, что согласному с' в основных диалектах соответствует твердый с (автору известно всего 63 случая, из которых 8 слов с финно-угорским корнем).⁵

6. Одной из главнейших особенностей системы консонантизма в болгарском и чувашском языках является наличие звука р там, где все остальные тюркские языки без исключения имеют з, д (δ), например: булг. $\text{p} \text{ } \omega =$ чув. сакăр, ср. татар., башк. сигез 'восемь'; булг. $\text{p} \text{ } \text{b} =$ чув. тахăр, ср. татар., башк. тугыз 'девять'; булг. $\text{p} \text{ } \text{ç} =$ чув. çёр, ср. татар., башк. йөз 'сто'; булг. $\text{p} \text{ } \text{ä} =$ чув. арня ~ эрне, ср. татар., башк. атна 'неделя'; булг. $\text{p} \text{ } \text{h} =$ чув. хёр, ср. татар., башк. кыз 'девушка; дочь' (все болгарские формы из ЮсБТЭ, 71—72; табл. 5, 7, 13, 14, 18 и др.).

Чувашский ротацизм отразился в языке древних венгров, что вносит определенную ясность в хронологию заимствований, начавших просачиваться до IX в. н. э., в протобулгарскую эпоху, из того самого языка, для которого был характерен ротацизм. Вот некоторые примеры венгерских заимствований из древнечувашского языка: чув. вăкăр > венг. ökör, ср. татар. үгез 'бык, вол'; чув. йёкёр > венг. iker, ср. татар. игез 'двойня'; чув. пăру > венг. bogjú, ср. татар. бозау 'теленос', чув. çёрё > венг. guyyú, ср. татар. йөзек 'кольцо, перстень', чув. çыр > венг. ír, ср. татар. яз 'писать', чув. сёр > венг. szür, ср. татар. сөз 'цедить'; чув.

⁵ Л. П. Грузов, Фonetика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр. 153.

кар, кара 'инструмент для долбления' > венг. *karó* 'кол, шест', ср. тюрк. *казы* 'копать, выкопать, скоблить, вычистить' (Радл. II, 373); тюрк. *казык* (*каз* + *к*) 'кол, столбик' (Радл. II, 374); чув. *çära* > венг. *zár*, ср. татар. *йозак* 'замок'; чув. *кансёр* 'трудный, тяжелый, неудобный, неловкий' > венг. *kényszer* 'невольный, принужденный', ср. татар. *кин-сез*.

Ротацизм виден на многих чувашских заимствованиях в марийском, удмуртском и редко мордовском языках. Ограничимся некоторыми примерами: чув. *йăран* > мар. *йыран*, марГ. *йыран*, удм. *йыранг*, ср. татар. *ызан* 'межа, борозда'; чув. *çära* > марГ. *сыра*, марВ. *сура*, ср. татар. *йозак* 'замок'; чув. *ур* ~ *ор* > мар. *ораш*, марГ. *араш* 'беситься', удм. *ур* 'шуметь, галдеть', ср. татар. *аз* (> чув. *анатри ас*) то же; чув. *урă* ~ *орă*, марГ. *ары*, ср. татар. *аек* (> мар. *айык*) 'трезвый'; чув. *пăр* > удм. *быр*, ср. татар. *боз* 'лед'; чув. *пултăр* ~ *полтăр* > удм. *бултыр*, ср. татар. *балдыз* 'младший брат моей жены'.

Меньше всего заимствований с чувашским ротацизмом в мордовском языке: чув. *уяр* ~ *ойар* 'ведро' > мокш. *аера* 'резкий, сильный, пронизывающий (ветер)', ср. татар. *аяз* 'ведро'; *ура* ~ *ора* 'моток ниток', *çип ури* ~ *çип ори* 'моток ниток' > эрз., мокш. *урадомс* 'размотать (нити, мотушки)' = татар. *урау* 'наматывать, навивать'.

В связи со сказанным о ротацизме в языке дунайских и волжских болгар и о самой ранней датировке этого фонетического явления нельзя обойти молчанием принципиальное разногласие между О. Притсаком и И. Бенцингом, имеющее непосредственное отношение к исследуемому предмету.

И. Бенцинг⁶ говорит в основном о том, что в болгарском языке в XI в. действовал фонетический закон $\delta > z$, во-вторых, ни одна группа болгар не знала $\delta > r$, в-третьих, в кипчакском языке было два основных диалекта, причем в языке основной массы кипчаков, как и у огузов, действовал $\delta > j$, например, вместо *адур* говорили *ажур* 'медведь', а небольшой группы, как и у болгар $\delta > z$, например, вместо *адак* произносили *азак* 'нога'. Исходя из этого, И. Бенцинг заключает, что ротацизм в болгарском языке появился не раньше XIII в. (для Бенцинга при этом основной датой является 1230 год русских летописей, когда упоминается *трунове*).⁷ Что касается болгарского языка XI в., как пишет Бенцинг, то он не свидетельствует ни за, ни против возможного ротацизма дунайских болгар VIII в.⁸

Все эти утверждения сделаны с ссылкой на Махмуда Кашгарского, согласно которому волжские болгары в XI в. н. э. вместо δ произносили все еще z , а не r .

Мы не имеем возможности подробно останавливаться на доказательствах О. Притсака в его ответе на рецензию И. Бенцинга, но что касается ссылки последнего на авторитет М. Кашгарского, то по этому поводу О. Притсак установил, что 1) М. Кашгарский изъездил не кип-

⁶ J. Benzing, Рец. на O. Pritsak, Die bulgarischen Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, Wiesbaden 1955. — Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft, Bd. 108, 1958, стр. 427—430.

⁷ J. Benzing, Die angeblieben bulgartürkischen Lehnwörter im Ungarischen. — Zeitschrift der morgenländischen Gesellschaft, Bd. 98, 1944, стр. 25.

⁸ J. Benzing, Рец. на O. Pritsak, Die bulgarischen Fürstenliste ..., стр. 429—430.

чакские степи Восточной Европы, а лишь область смешанных кипчакско-огузских диалектов вблизи Отрара-Фараба; данные М. Кашгарского о языке этих кипчаков многочисленны и достоверны; 2) однако их следует отделить от тех, которые касаются языка кипчаков Восточной Европы, волжской Булгарии, а также кипчаков на византийско-русской границе; последние немногочисленны, большей частью случайны и исходят не от самого М. Кашгарского, а от случайных информаторов; 3) М. Кашгарский сам в Волжской Булгарии не был.

Таким образом, встречающиеся у Махмуда Кашгарского надписи «булгар» относятся не ко всему, неизвестному ему булгарскому народу, а лишь к некоторым жителям (купцам) многоязычного торгового центра Булгар на Волге. То же самое относится к надписи «Сувар . . .». Данные Махмуда Кашгарского относительно языка жителей городов Булгар и Сувар слишком скудны, слишком не точны, а местами противоречивы. Они не могут дать нам представления о фонетике, морфологии и лексике булгарского языка.

Таким образом, ротацизм в булгаро-чувашском языке, отразившийся на финно-угорских языках Поволжья и Перми, а также дунайско-булгарском, чему служат неопровержимые свидетельства в венгерском языке, явление очень древнее, и хронологической его границей является не XIII, а во всяком случае VII—VIII вв. н. э.

Все другие положения, отрицающие генеологическую связь волжско-булгарского и дунайско-булгарского ротацизма, строятся без должного знания булгарских языковых фактов. Весьма уместны слова О. Притсака, что «познание истинного положения вещей вероятно покажет наконец тюркологам, как бесполезно возражать против таких фактов, как первоначальный гунно-булгарский ротацизм и ламбдацизм».⁹

7. Такой же отличительной особенностью чувашского языка является наличие *л* там, где в общетюркском выступает *ш*. В этом отношении чувашский и булгарский языки имеют опять-таки отличную от других тюркских языков особенность консонантизма, например: чув. *пилёк* (*пилёк сын* 'пять человек') = булг. *بىل* , *بىيال* 'пять', ср. татар., башк. *биш* то же; *сул* ~ *зол* 'год (календарный), возраст (год жизни)' = булг. *ج۱* , ср. татар. *ел* 'год (календарный)', *яшь* 'возраст (год жизни)'; чув. *хёл* 'зима' = булг. *خ۱* 'зимовка, зимовье', ср. татар., башк. *кыш* 'зима'.

Время появления фонетического явления ламбдацизма относится, пожалуй, еще к протобулгарской эпохе. Об этом говорят по крайней мере древнечувашские заимствования в венгерском языке: *bölcső* < чув. *пелче* (ЕгСЧЯ, 41; ЕгЭСл., 154), ср. татар., башк. *бишек* 'колыбель, люлька'; венг. *kölyök* 'детеныш' < чув. **көлек*, **келек*, ср. тур. *köşäk* 'молодой верблюд, молодое животное вообще' (Радл. II, 1305). Следы ламбдацизма видны и в марийском языке: чув. *şamäl* > мар. *сомыл* 'надобность; дело', ср. каз. *jәмәш* = *јумуш* то же (Радл. III, 464); *тёллен* (*тёлёк сон + лен*) 'видеть во сне, говорить чушь, нести вздор' > мар. *теләнйш* то же, ср. татар. *төшлән* (*төш* 'сон') 'видеть сон, сниться'; чув. *чул* ~ *чол* 'камень' (< **чал*) > мар. *чал*: *шинчал* 'соль', ср. тюрк. *таш* 'камень'.

⁹ О. Pritsak, Die bulgarischen Fürstenliste . . . , стр. 9.

8. Булгарские памятники свидетельствуют о наличии в них древнетюркского аффикса, который в чувашском существует в форме *ӓх* и *ӓк*, например, *уйӓх* ~ *ойӓх* = булг. *أیح* (ЮсБТЭ, табл. 9, 13, 23, 25), *أیح* (ЮсБТЭ, табл. 16) и другие, в то время как татарские памятники, датируемые почти тем же временем, имеют написание *ای*, *ای* (ЮсБТЭ, табл. 12, 22), *ای*, *ای* (ЮсБТЭ, табл. 42, 51), ср. современные татар., башк. *ай* 'месяц'. Сюда же относится рассмотренное выше чув. *палак*-, булг. *دلوی* (АшмБЧ, 73, 75, 78, 90), ср. татар., башк. *билге*.

Аффикс *ӓх* (*ӓк*) отразился в древнечувашских заимствованиях в марийском и удмуртском языках. Надо думать, что это относится ко времени существования пермской общности языков, например: чув. *хӓлӓх* 'конский волос, струна' > марГ. *ыльык*, но мар. *кыл* < общетюрк. *кыл* 'конский волос' (Радл. II, 764); чув. *тӓлӓх* 'сирота', *тӓлӓх арӓм* 'вдова' > мар. *тулык* 'сирота', удм. *тулун нылли* 'сирота' (WichmMSFOu XXI, 109); в чувашском языке редко, но встречается чередование *к* (*х*) — *п*; общетюрк. *тул* (*дул*) 'вдова' (Радл. III, 1464); *сулак* ~ *солӓк* 'жениховый платок' > мар. *солык* 'полотенце, платок', удм. *сюлык* 'головной убор в виде платка с бахромой', коми *сулӓк* 'полотенце'. Это древнетюркское слово встречается в русских говорах вологодской области в виде *сулок* или *сулог* 'маленькое полотенце, небольшая ширина, тряпичка' (Даль IV, 359); татар., башк. *яулык* 'платок' и др. (см. ФедИСЧЯ, 26).

Г. В. Юсупов в своей монографии приводит сопоставительную таблицу булгарских и татарских числительных, из которой явствует, что они по составу согласных звуков резко отличаются друг от друга. Но это не беспокоит автора: «Было бы большой ошибкой, если бы только по этому признаку, т. е. по несоответствию булгарских звуков звукам современного татарского языка, мы рассматривали эти языки изолированно друг от друга, как сделали сторонники теории булгарского происхождения чуваш». ¹⁰

Чтобы не уходить в нежелательную сторону полемики, мы решили дополнить приведенную Г. В. Юсуповым таблицу чувашскими формами, предоставив читателю возможность судить, какой же язык является хранителем булгарских родимых пятен в области согласных звуков. Заметим, что татарским формам, зафиксированным на памятниках, мы дали современную форму написания в русской графике.

¹⁰ Г. В. Юсупов, Введение в булгаро-татарскую эпиграфику, Москва—Ленинград 1960, стр. 76.

	Чувашский	Булгарский		Татарский		
р	çёр 'сто'	ر	چور	ن	چون	йөз
л	пил(л)ёк 'пять'	ل	پل . بيال	ش	بش	биш
х	хёрёх 'сорок'	ح	حرح	ق	قرق	кырык
т	тăват(тă), сунд. туат(тă) 'четыре'	ت	توات	ن	دورت	дүрт
в	виç(çё) 'три'	و	وج	او	اوج	өч
ву~во	вун~вон(нă) 'десять'	وا	ون . وان	او	اون	ун

Сокращения

АшмБЧ — Н. И. Ашмарин, Булгары и чувашы, Казань 1902; **АшмМат.** — его же, Материалы для исследования чувашского языка 1—2, Казань 1903; **АшмСл.** — его же, Словарь чувашского языка I—XVII, Казань—Чебоксары 1928—1950; **ВДТЯ** — Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку 1966; **ГалИГМЯ** — И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола 1964; **ГрузФДМЯ** — Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965; **Даль** — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка I—IV, С.-Петербург—Москва 1882; **ЕгСЧЯ** — В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык, Чебоксары 1954; **ЕгЭСл.** — его же, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964; **ИСГТЯ** — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I—IV, Москва 1951—1962; **ЛытИВПЯ** — В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964; **Мал.** — С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, Москва—Ленинград 1951; **Радл.** — В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий в 4-х томах, С.-Петербург 1888—1911; **ФедИСЧЯ** — М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми I, Чебоксары 1965; **ЮсБТЭ** — Г. В. Юсупов, Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, Москва—Ленинград 1960.

GombMSFOu XXX — Zoltán Gombocz, Die bulgarisch-türkischen lehnwörter in der ungarischen sprache (= MSFOu XXX), Helsinki 1912; **Pritsak, Fürstenliste** — Omeljan Pritsak, Die bulgarischen Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, Wiesbaden 1955; **RäsMSFOu XLVIII** — Martti Räsänen, Die tschuwaschischen lehnwörter im tscheremissischen (= MSFOu XLVIII), Helsinki 1920; **WichmMSFOu XXI** — Yrjö Wichmann, Die tschuwaschischen lehnwörter in den permischen sprachen (= MSFOu XXI), Helsingfors 1903.

**ÜBER DIE KONSONANTEN DER WOLGABULGARISCHEN
GRABINSCHRIFTEN UND IHRE WIDERSPIEGELUNG
IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN**

Die vorliegenden Notizen über die Besonderheiten der Konsonanten der sogenannten Fürstenliste der Protobulgaren und der bulgarischen Grabinschriften des XIII.—XIV. Jh., die in keinem Falle auf eine vollständige Klärung der Frage Anspruch erheben, legen uns beweiskräftiges Zeugnis ab, daß sich der Konsonantenbestand des heutigen Tschuwaschischen in seinen Hauptzügen mit dem des Altbulgarischen deckt. Wir betrachten hier einige Züge der Beziehungen zwischen der tschuwaschischen Sprache und den finnisch-ugrischen Sprachen:

1. Das Vorhandensein im Anlaut der Prothese *v* im Bulgarischen und Tschuwaschischen und deren Widerspiegelung in einigen finnisch-ugrischen Sprachen: tschuw. *vakā* 'Wuhne' > mar. *ваке*, marB. *вăкы*, karatai-mordw. *вăке*; vgl. tschag. *бѣу*, karakalp. *уки* id.; tschuw. *виме* (auch *миме*) 'Hilfsarbeit' > mar. *вўма* (auch *мўма*), udm. *веме*; vgl. tat., baschk. *әмә*, turkm., kasach. *үме* id. usw.

2. Das tschuwaschische Ordinalsuffix *маш, мѣш*, das auf die bulgarischen Suffixen *m* und *š* zurückgeht, liegt auch in den marischen Ordinalia vor: tschuw. *тăватăм* oder *тăватăмăш* 'der vierte' > mar. *нылымше*; vgl. tat., baschk. *дүртенче* id. usw.

3. In der bulgarischen Form *běš* 'fünf' liegt Schwund *l* vor *š* < *nš* < *nč* vor, ähnlich wie in *běχ* (aus **bēχ-ti*) vor *χ* (< *k*), wo wir mit der ursprünglichen Form **belχ* (< **bēlik*) zu rechnen haben, vgl. tschuw. *пилѣк* ~ *пиллѣк* 'fünf'. Der Schwund von *l* widerspiegelt sich auch in einigen finnisch-ugrischen Wörtern tschuwaschischer Herkunft: tschuw. *кин* 'Schwiegertochter' > udm. *кен*; vgl. alttürk. *калин* id.; tschuw. *хѣç* 'Weberkamm; Schwert, Säbel' > mar. *ис*, udm., komi *кись*; vgl. alttürk. *кылыч* 'Schwert, Säbel' usw.

4. Die Entlehnung der tschuwaschischen Wörter mit palatalem *š* ins Permische (vor dem VIII. Jh.) beweist, daß man das altschuwaschische *š* (orthogr. *ç*) in den Grabinschriften nur durch das arabische **ع** wiedergeben konnte: tschuw. *çурла* ~ *çорла* 'Sichel' > udm. *сюрло*, komi *чарла* id. usw.

5. Der bulgarische und tschuwaschische Rhotazismus und dessen Widerspiegelung in den tschuwaschischen Entlehnungen der finnisch-ugrischen Sprachen: tschuw. *вăкăр* 'Ochse' > ung. *ökör*; vgl. tat., baschk. *үгез* id.; tschuw. *йăран* 'Furche' > mar. *йыран*; vgl. tat., baschk. *ызан* id.; tschuw. *пăр* 'Eis' > udm. *быр*; vgl. tat., baschk. *боз* id. usw.

6. Der bulgarische und tschuwaschische Lambdazismus und dessen Widerspiegelung in den tschuwaschischen Entlehnungen der finnisch-ugrischen Sprachen: tschuw. *пелече* 'Wiege' > ung. *bölcső*; vgl. tat., baschk. *бишек* id.; tschuw. *çăмăл* 'Bedürfnis' > mar. *сомыл*; vgl. tat., baschk. *йомыш* id. usw.

7. Das bulgarische und tschuwaschische Suffix *ăx* (*ăк*) widerspiegeln sich in den finnisch-ugrischen Wörtern tschuwaschischer Herkunft: tschuw. *хѣлѣх* 'Pferdehaar, Saite' > marB. *ыльык*, aber mar. *кыл* < gemeintürk. *кыл* id.; tschuw. *тăлăх* 'Waise' > mar. *тулык*, udm. *тулуп*; vgl. gemeintürk. *тул* (*дул*) 'Witwe' usw.